

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛОКАЛЬНЫХ ПАДЕЖЕЙ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Объектом исследования являются локальные падежи в казахском языке. Локальных падежей в современном казахском языке три: Дательный (Барыс септік), Исходный (Шығыс септік) и Местный (Жатыс септік). Древний направительный падеж (* - агу) в казахском языке исчез, и его показатель сохранился лишь в отдельных наречных лексемах, поэтому мы будем говорить только о трех локальных падежах.

Падеж рассматривается прежде всего как морфологическая категория. К рассмотрению привлекаются только падежные формы имен (и местоимений), т.к. привлечение управляющих или глагольных форм привело бы к чрезмерному расширению объема работы. Падежно-последложные формы не рассматриваются, т.к. последлогов в казахском языке десятки, и включение их в описание привело бы к непомерному увеличению объема работы.

Наша цель – прояснить характер системных связей между локальными падежами в казахском языке. При этом нас в первую очередь интересуют именно синтаксические характеристики локальных

падежей. Из всех морфологических категорий имени именно категория падежа наиболее тесно связана с синтаксическим уровнем языка.

Начать мы считаем целесообразным с описания основных значений локальных падежей в казахском языке.

Дательный падеж

По многообразию функций дательный падеж является самым богатым из трех локальных падежей казахского языка. На основе анализа материала нами были выделены двенадцать основных семантических групп:

- сочетания с семантикой давания (Дат. падеж представляет реципиента),
- сочетания с семантикой говорения (Дат. падеж представляет адресата),
- сочетания с семантикой действия, совершенного в чьих-либо интересах (Дат. падеж представляет бенефицианта),
- сочетания с семантикой позволения (Дат. падеж представляет адресата позволения),
- сочетания с семантикой адаптации (Дат. падеж представляет объект адаптации),
- сочетания с семантикой действия, направленного на объект (Дат. падеж представляет объект, на который направлено действие),
- сочетания с семантикой смотра (Дат. падеж представляет объект смотра),
- сочетания с семантикой направления,
- сочетания с семантикой обусловленности,
- сочетания с эмотивной семантикой (Дат. падеж представляет стимул),
- сочетания с семантикой отношения объекта к объекту,
- сочетания с дательным падежом субъекта.

(К сожалению, не для всех ролей на настоящий момент существуют названия, поэтому названия некоторых семантических групп мы оставляем без уточнения.)

Из перечисленных групп сочетаний в первых семи употреблении дательного падежа обусловлено сильным управлением. Употребление иного падежа для выражения тех же значений невозможно. (Вторую, третью и четвертую из вышперечисленных групп можно, в принципе, отнести к периферии семантической группы давания.) Остальные пять групп имеют точные “зеркальные” соответствия в сфере исходного падежа.

Как уже было сказано выше, значения, выражаемые дательным падежом, чрезвычайно многообразны. Центральным среди них является, на наш взгляд, значение давания с примыкающими к нему значениями. В понятии давания важнейшее место занимает представление об одушевленности (адресата). Эта “одушевленность” семантики составляет отличительную особенность дательного падежа. (В пользу этого тезиса говорит и факт существования группы конструкций с Дательным падежом субъекта (субъект, разумеется, может быть только одушевленным).) Именно по этой причине мы решили считать семантику давания (а не направления) ядерной для этого падежа.

Также большое место в сфере дательного падежа занимают конструкции с семантикой направления (движения и перемещения).

Остальные значения, выражаемые дательным падежом, очевидной семы движения или перемещения в себе не несут. Они, однако, находятся в явном меньшинстве.

Кроме первых семи семантических групп, все остальные значения, передаваемые дательным падежом, так или иначе имеют себе соответствия в сфере исходного падежа. (Семантическое поле давания, на первый взгляд, имеет свою параллель в сфере исходного падежа, однако, как будет показано ниже, соответствие здесь далеко не полное.)

Исходный падеж

Исходный падеж по своей семантике является как бы антагонистом дательного падежа. Поэтому конструкции с исходным падежом в значительной степени являются зеркальными “отражениями” конструкций с дательным падежом. Это соответствие, однако, является далеко не полным. На основе анализа материала мы выделили шесть основных групп:

- сочетания с семантикой взятия, получения (Исх. падеж представляет источник),
- сочетания с семантикой направления (Исх. падеж представляет исходный пункт),
- сочетания с семантикой причинности (Исх. падеж представляет причину),
- сочетания с эмотивной семантикой (Исх. падеж представляет стимул эмоции),
- сочетания с семантикой свойства,
- сочетания с семантикой сравнения.

(Последние две группы мы оставили без уточнений, т.к. не для всех ролей существуют названия.)

Сразу бросается в глаза, что по сравнению с дательным падежом, спектр значений исходного падежа отличается меньшим многообразием.

С семантической точки зрения по сравнению с дательным, исходный падеж намного менее “одушевлен” – значения взятия и получения вовсе не предполагают неременной одушевленности актанта, оформленного Исходным падежом, в отличие от, казалось бы, “зеркально” соответствующих конструкций с семантикой давания, включая всю периферию (становиться падежом субъекта Исходный падеж, в отличие от дательного, не может.) Центральное место в сфере исходного падежа занимают конструкции с семантикой направления.

Две последующие группы – сочетания с семантикой причинности и эмотивные сочетания также входят в семантическое поле направления (точнее, движения). Говоря конкретнее, сочетания с семантикой причинности можно рассмотреть как периферию группы движения, и, в свою очередь, эмотивные сочетания – как разновидность причинных. Интересно то, что эмотивные сочетания в сфере дательного падежа, являясь, с одной стороны, явным аналогом эмотивных сочетаний сферы исходного падежа, с другой стороны, не могут рассматриваться как периферия группы движения (“куда?”). Вообще, само употребление в них дательного падежа никак этимологически не связано с наличествующей в этих сочетаниях семой причинности. В исходном же падеже семантические группы движения, причинности и эмоции образуют единое, монолитное семантическое поле, ядерной семой которого является сема движения.

Следует отметить, что выражение семантики причинности в казахском языке, по большому счету, монополизировано исходным падежом. Это единственное, в чем исходный падеж превосходит дательный.

В целом же можно заключить, что все семантические группы сочетаний, относящиеся к сфере исходного падежа, имеют себе “зеркальные” аналоги в сфере дательного падежа (но не наоборот). Это может быть четко видно из нижеприведенной таблицы.

Исходный падеж	Дательный падеж
взятие, получение	давание (аналогия неполная)
направление (откуда?)	направление (куда?)
причинность	обусловленность
эмотивность	эмотивность
свойство	свойство
отношение	отношение
	Д.п. субъекта

Местный падеж

Местный падеж занимает особое место в падежной системе казахского языка. Это единственный падеж в казахском языке, не управляющий ни одним послелогом. В системе локальных падежей местный падеж также стоит особняком. Если дательный и исходный падежи, ядерной семантикой которых является направленное движение в противоположных направлениях, четко противопоставлены друг другу и в значительной степени зеркально отражают друг друга (хотя и не полностью), то местный падеж противопоставлен одновременно двум другим локальным падежам вместе взятым. Если дательный и исходный падежи (динамические) обозначают в первую очередь движение, то местный падеж (статичный) обозначает локализацию предметов и событий в пространстве и во времени. Спектр значений местного падежа значительно менее многообразен, чем у двух других локальных падежей. Мы выделили следующие семантические группы:

- сочетания с семантикой локализации объектов (физических и идеальных),
- сочетания с семантикой локализации событий,
- сочетания с семантикой локализации событий во времени.

Местный падеж во всех трех группах представляет локализатор.

Основным значением местного падежа является локализация объектов и событий в пространстве. Семантика локализации может претерпевать два вида метафоризации. Локализация объектов может быть перенесена в идеальный план. В физическом плане локализацию в пространстве могут принимать как объекты, так и события. Локализация событий может претерпевать также временную мета-

форизацию. Соотнесенность события с каким-либо моментом времени в казахском языке часто оформляется местным падежом.

С синтаксической точки зрения имена в местном падеже всегда являются чаще обстоятельствами (места и времени). (Существует, правда, группа конструкций с семантикой местонахождения (N1 – N5), где сильным оказывается соблазн посчитать актант N5 именным сказуемым, но при внимательном рассмотрении становится ясно, что здесь мы имеем дело лишь с элиминацией глагола-связки.)

Теперь, закончив перечисление основных значений локальных падежей в казахском языке, проведем сравнительно-сопоставительный их анализ, прежде всего под синтаксическим углом зрения.

Как уже неоднократно отмечалось нами выше, при рассмотрении системы локальных падежей казахского и вообще тюркских языков в первую очередь бросается в глаза, с одной стороны, как бы “зеркальное” взаимосоответствие значений дательного и исходного падежей как двух “антиподов”, и, с другой стороны, особое положение местного падежа. Дательный и исходный падежи передают значения даяния/взятия, направления (“куда!/откуда?”), эмотивные значения, семантику состояния объектов относительно друг друга, обусловленности и некоторые другие значения. Местный падеж специализирован на передаче семантики локализации и как падеж-локализатор противостоит им обоим.

Однако при ближайшем рассмотрении “зеркальное” взаимосоответствие значений дательного и исходного падежа оказывается далеко не полным. В сфере дательного падежа ядерной является сема даяния. Прямым ее аналогом на первый взгляд может показаться семантика взятия и получения в сфере исходного падежа. Однако в действительности все значительно сложнее. Семантика даяния, передаваемая в первую очередь глаголом *беру* (“давать”), предполагает адресата. Последний может быть исключительно и только одушевленным (за исключением некоторых случаев метафоризации), желательно личностью. Можно сказать, что требование одушевленного адресата заключается в семантике самого глагола *беру*. Напротив, глагол *алу* (“брать, получать”) не “выставляет” каких-либо требований относительно одушевленности/неодушевленности объекта-источника. Так, между фразами типа *Кіманты Мураттан алдым* (“Я взял книгу у Мурата”) и *Кіманты үстелден алдым* (“Я взял книгу со стола”) мы не нашли сколько-нибудь ощутимого различия. Казалось бы, и от “зеркальных” отражений этих фраз в сфере да-

тельного падежа следует ожидать того же, в частности, лексического выражения противоположной взятию семантики каким-то одним глаголом. Однако, в действительности фразе *Кіманты Мураттан алдым* будет зеркально соответствовать фраза *Кіманты Муратқа бердім* (“Я дал книгу Мурату”), а фразе *Кіманты үстелден алдым* будет соответствовать фраза *Кіманты үстелге салдым* (“Я положил книгу на стол”). Отсюда можно заключить, что семантике взятия противопоставляется, с одной стороны, семантика даяния, а с другой стороны, семантика перемещения (“откуда?”). Кстати, сам глагол *алу* (“брать, получать”) может иногда приобретать еще одно значение – “убирать”, прямо противостоящее значениям таких глаголов как “ставить”, “класть”, и т.п. (Интересно отметить, что в русском языке только что описанное семантическое различие проявляется также в выборе различных предлогов и падежей. Ср., *взял у Мурат-а* и *взял со стол-а*, *дал Мурат-у* и *положил на стол-о*.) Таким образом, можно заключить, что семантика взятия представляет собой нечто тесно связанное с семантикой перемещения (мы, однако, не рассматриваем ее как периферию группы перемещения, т.к. существует подгруппа получения, семантику которой невозможно интерпретировать таким образом), тогда как даяние представляет собой совершенно самостоятельную семантическую группу. К ней тесно примыкает ряд других семантических групп, а именно сочетания с семантикой говорения (реципиента), бенефицианта и позволения. Последним двум, кстати, в сфере исходного падежа нет никакого аналога. С синтаксической точки зрения во всех вышеперечисленных типах конструкций актант в дательном падеже является дополнением.

Общая семантическая ориентированность дательного падежа на одушевленность, на субъектность подтверждается существованием многочисленной и развитой группы сочетаний с дательным падежом субъекта.

Об исходном падеже прежде всего следует сказать, что его функции существенно менее многообразны, чем функции дательного падежа. Можно сказать, что все семантические группы сферы исходного падежа так или иначе имеют свои “отображения” в сфере дательного падежа. В последней, однако, есть много такого, что не имеет себе аналогов в сфере исходного падежа. Пожалуй, единственное, в чем исходный падеж превосходит дательный, это наличие в его сфере многочисленной группы конструкций с семантикой причинности. (В сфере дательного падежа есть аналогичная группа

конструкций с семантикой обусловленности (в первую очередь цели), которые, не будучи ни в чем ущербными, однако, существенно реже встречаются в речи и в текстах. Семантика цели чаще выражается иными средствами, что же касается других видов обусловленности, то эти конструкции вообще очень редки.)

С синтаксической точки зрения актант, оформленный исходным падежом, в причинных конструкциях является, безусловно, обстоятельством. То же можно сказать и о большинстве других конструкций с исходным падежом. Впрочем, актант в исходном падеже может быть иногда и косвенным дополнением, в случае, если он одушевлен. Таких случаев довольно много. Однако в целом исходному падежу, в отличие от дательного, вовсе не свойственна какая-либо специализированная семантическая ориентация на одушевленность.

Следует также отметить, что показатель исходного падежа, присоединяясь к именам (и не только) чаще приводит к образованию наречий, чем показатель дательного падежа. Причем если наречия, образованные с помощью дательного падежа, суть не что иное, как застывшие падежные словоформы, то показатель исходного падежа часто используется совершенно немотивированно с синтаксической точки зрения, превращаясь таким образом в чистый показатель наречности. (Ср., например, синонимичные сочетания *мол беру* и *мол-ы-нан беру* ("обильно дать (что-либо кому-либо)"). Во втором случае показатель исходного падежа лишь подчеркивает наречность семантики словоформы, не приобретая при этом семантического оттенка вроде "от многа".) Наречия в предложениях выполняют, как правило, функцию обстоятельства образа действия. Таким образом, еще раз подтверждается обстоятельственная ориентация исходного падежа.

Необходимо также упомянуть, что в сфере исходного падежа также изредка встречаются сказуемостные сочетания. Например: *Мен Алматы-дан-мын* (Уразалина Д.Ж.) – Я из Алма-Аты (в смысле "происхожу из Алма-Аты"). Наличие у именного сказуемого личного аффикса (-мын) окончательно доказывает, что здесь мы имеем дело с настоящим именным сказуемым, а не со случаем элиминации. В сфере дательного падежа сказуемостных конструкций нет (если не считать за таковые окказиональные сочетания с элиминированным именным сказуемым). Способность к образованию сказуемостных конструкций – еще один пункт, в котором исходный падеж имеет преимущество над дательным.

Итак, дательный и исходный падежи, являясь до известной степени падежами-антиподами, оба ориентированы на передачу дополнительных и обстоятельственных значений. При этом в сфере дательного падежа преобладают дополнения, а в сфере исходного падежа – обстоятельства.

Что касается местного падежа, то он, как уже отмечалось, стоит особняком в системе локальных падежей в целом. По разнообразию функций он значительно уступает как дательному, так и исходному падежам. (Следует оговориться, что местный падеж уступает двум другим локальным падежам именно в многообразии самих значений, но ни в коем случае не по частотности употребления в текстах и в речи.) Все разновидности семантики местного падежа можно так или иначе свести к локализации объектов и событий. В этом состоит принципиальное семантическое отличие местного падежа от дательного и исходного падежей. Если в семантических сферах двух последних падежей огромное место занимает сема направления, т.е. некой динамичности, то местный падеж передает лишь полностью статичные значения. Внешне это выражается, в частности, в том, что в отличие от всех остальных казахских (если не тюркских вообще) падежей, местным падежом не управляет ни один послелог. Семантика локализации может претерпевать метафоризацию двух видов: временную и идеальную. Временную локализацию могут принимать только события, идеальную – прежде всего идеальные объекты. Физическая пространственная локализация одинаково приемлема как для объектов (прежде всего физических), так и для событий. С синтаксической точки зрения во всех конструкциях с местным падежом имя, оформленное местным падежом, является обстоятельством (места).

Местный падеж	Исходный падеж	Дательный падеж
-----(!)	-----(!)	-----
-----X	-----	-----(!)
=====X=====	(=====)	=====X=====

На вышеприводимой схеме графически изображены описанные синтаксические закономерности. Сказуемость мы обозначим двумя параллельными линиями, обстоятельность – штрихпунктирной линией, дополнительность – пунктирной линией, как это делают в школьной грамматике. Восклицательный знак в скобках обозначает высокую степень характерности, скобки – редкую возможность, перечерк – полную невозможность данной синтаксической роли для данного падежа.

Из этой схемы можно видеть, что в направлении от местного падежа через исходный к дательному “обстоятельность” падает, а “дополнительность” – повышается. (“Сказуемость” оказывается возможной лишь для исходного падежа.) В этом же направлении возрастает и семантическая ориентированность локальных падежей на одушевленность, субъектность. То же самое можно сказать и о многообразии семантических функций локальных падежей. По богатству семантики первое место занимает дательный падеж, последнее – местный. Однако, будучи довольно однообразными, конструкции с местным падежом ничуть не менее частотны, чем сочетания с двумя другими локальными падежами, о чем уже говорилось выше.

Таковы основные семантико-синтаксические закономерности в системе локальных падежей казахского языка, обнаруженные нами при сравнительно-сопоставительном анализе.

Список литературы

Аблаков А. Словоочетания, образованные способом управления в казахском языке. Дисс. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1987.

Благова Г.Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. М.: Наука, 1982.

Исенгалиева В.А. Употребление падежей в казахском и русском языках. Алма-Ата, 1961.

Лаврентьев А.М. Проблемы категории падежа в свете структурной типологии. Диплом. работа. Новосибирск, 1993.

Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. 10. С.369-495.

Список условных сокращений

N1 – имя в именительном падеже;

N5 – имя в местном падеже.